

В статье рассматриваются различные модели взаимодействия современных цивилизаций, анализируются причины, которые привели к потере эффективности традиционных стратегий диалога культур в условиях "информационного империализма".

ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

И. А. Василенко

В безбрежном океане социокультурных феноменов современного мира выделяются устойчивые культурные системы. Они пересекают границы социальных образований, не совпадая с национальными или государственными ареалами. Н. Данилевский называет их "культурно-историческими типами", А. Тойнби – "локальными цивилизациями", Н. Бердяев и О. Шпенглер – "великими культурами", П. Сорокин – "культурными суперсистемами".

Термины "цивилизация" и "культура" возникли сравнительно недавно – во второй половине XVIII в. По утверждению Л. Февра и Е. Тоннелата, цивилизация означала триумф разума не только в политической, но и в моральной и религиозной областях, просвещенное общество в противовес дикости и варварству, прогресс науки, искусства, установление свободы и справедливости, устранение войны, рабства и нищеты [1, р. 1–13]. Близким к этому был и смысл, который вкладывался в понятие "культура". Под ней подразумевались просвещение, духовное усовершенствование, освобождение человеческого духа, расцвет науки и искусства [1, р. 19–136].

Несколько позже оба понятия стали трактоваться более прозаически (в частности, Ж. Руссо и Ж. Фурье) – как совокупность приобретенных индивидом или группой черт, либо как разрушительная сила, фаза вырождения и упадка общества.

С точки зрения современных ученых (О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона), "великие культуры", или "цивилизации" являют собой типы человеческих сообществ, которые вызывают определенные ассоциации в области религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев. Но если у Хантингтона цивилизация – это самый широкий уровень культурной идентичности людей, то у Тойнби – блок исторического материала, к которому обращается тот, кто стремится изучить историю собственной страны: "если вы идете от Греции и Сербии или России, пытаетесь понять их историю, вы приходите к православному христианству, или византийскому миру. Если начинаете

с Марокко или Афганистана, ... неизбежно придете к исламскому миру" [2, с. 134].

До недавнего времени национальные государства – от самых мелких и до самых крупных – отстаивали суверенное право организовывать свою жизнь самостоятельно как в политической и экономической сферах, так и в области культуры. Парадокс ситуации состоял в том, что крайне узкий националистический взгляд на политику находился в удивительном противоречии с постоянно расширяющимся в пространстве и во времени политическим горизонтом. В пространстве поле зрения раздвинулось до всей обитаемой земной поверхности – ойкумены, а также до звездного космоса, в котором наша планета – лишь исчезающе малая величина. Во времени горизонт раздвинулся, вобрав в себя цивилизации, существовавшие за последние шесть тысяч лет.

Еще одним парадоксом новейшей истории стало то, что преодоление националистического взгляда на политические отношения быстрее всего произошло не в передовых, высокоразвитых странах, а на окраинах земной ойкумены. Исламская, дальневосточная, индуистская и православная культуры пережили огромное потрясение, вызванное мощным, всепроникающим облучением западной цивилизации, изменив в результате этого свой эгоцентрический взгляд на мир. Сам же Запад тешил себя пока самодовольной иллюзией "европоцентризма", которая на протяжении двух с половиной столетий питалась успехами западной цивилизации. Еще более длинную историю, начавшуюся на рубеже XV–XVI вв., имеет вестернизация экономической системы мира. И лишь культурная карма планеты предстает перед нами такой, какой была во времена Васко да Гамы.

Многие политологи защищают тезис о "единстве цивилизация" и "конце истории". Они провозглашают западную культуру уникальной, игнорируя культурный плюрализм современных обществ. Этапы развития других цивилизаций, которые не вписываются в концепцию "европоцентризма", опускаются как "полуварварские". Исламская, индуистская и дальневосточная культуры признаются "туземными" по отношению к победоносной колеснице западного общества и отвергаются. Православное христианство, по последней

ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна – доктор политических наук, старший научный сотрудник кафедры политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

версии, первоначально служило оплотом Запада в борьбе с Востоком. Исчерпав свою миссию, этот "временный нарост" атрофировался и исчез.

В рамках концепции "единой цивилизации" возникло ложное толкование общественного прогресса как системы изначально универсальных импульсов, автоматически действующих в любой культурной среде. Благодаря этому "не стало" проблемы цивилизационного выбора: у всех народов один удел, всех неудержимо влечет вверх эскалатор прогресса к заранее предопределенному будущему. И если прежде победоносному распространению западных ценностей мешала советская коммунистическая идеология, то после ее очевидного поражения ничто уже не сможет стать на пути вестернизации мира [3].

Подобный вывод коренится в упрощенном представлении о том, что единственной альтернативой коммунизму является либеральная демократия. Между тем существует множество форм национализма, авторитаризма, рыночного коммунизма, корпоративизма, наконец, нельзя сбрасывать со счетов религиозные альтернативы, которые находятся за пределами светских идеологий. В незападных культурах религия – главная сила, мотивирующая поступки и мобилизующая людей.

Столь же упрощенно представление, согласно которому модернизация и экономическое развитие способствуют укреплению однородности различных обществ и порождают единую культуру, близкую западной. В современном мире модернизация отнюдь не равнозначна вестернизации, доказательством чему служат примеры Японии, Саудовской Аравии, Сингапура.

Своеобразие нынешней ситуации в том, что Запад по-прежнему смотрит на мир со своей старой, узкоместнической точки зрения, тогда как другие культуры ее уже давно преодолели. Но рано или поздно ему неминуемо придется отказаться от "европоцентризма" и переориентировать политическое мировоззрение, вступить в диалог с иными типами человеческих сообществ. К этому закономерно ведут разворачивающиеся сейчас процессы.

Культурная агрессия Запада породила мощную девестернизацию других цивилизаций, возвращающихся сегодня к собственным корням. На наших глазах происходит "реисламизация" Ближнего Востока, "индуизация" Индии, "возврат в Азию" Японии. В исламской, конфуцианской, буддистской, индуистской культурах почти не имеют поддержки основополагающие западные идеи индивидуализма, свободы, отделения церкви от государства, равенства, прав человека, либерализма. Более того, пропаганда этих идей вызывает враждебную реакцию против "империализма прав человека" и приводит к укреплению исконных цен-

ностей родной культуры. Проведенное в 90-е годы в различных странах сравнительное исследование показало, что ценности, первоначально важные в западном обществе, гораздо менее значимы в остальном мире [4].

XX век очертил свое геополитическое поле, не ограниченное рамками национальных государств. Это диалог культур, диалог цивилизаций. Не случайно здравомыслящие политики и правительства, пытаясь добиться поддержки населения и сформировать коалицию, все реже апеллируют к национальному сознанию, все чаще обращаются к религиозной и культурной общности.

Современный мир представляет собой сложную мозаику уникальных культур. Каждая из них имеет свою собственную форму, у каждой – собственная идея и свой путь развития. Упрощенная схема: древняя история – средние века – Новое время (одним из ее вариантов выступала марксистская концепция "общественно-исторических формаций") подвергается ныне справедливой критике. Эта схема пыталась уложить разнообразный и противоречивый ритм культур, отличавшихся неповторимой самобытностью, в прокрустово ложе единой конструкции.

За многовековую историю человеческой культуры лишь некоторые народы смогли создать великие цивилизации. Н. Данилевский выделяет десять таких, как он их называет, "культурно-исторических типов": египетскую, ассирийско-вавилонско-финикийско-халдейскую (древнесемитскую), китайскую, индийскую, иранскую, еврейскую, греческую, римскую, арабийскую (новосемитскую), европейскую (романо-германскую). Две цивилизации – перуанская и мексиканская – погибли на ранней стадии развития насильственной смертью [5]. По мнению Данилевского, народы, говорящие на одном языке или принадлежащие к одной языковой группе, могут стать "культурно-историческим типом", если они духовно способны к историческому развитию. Однако цивилизация достигает полного расцвета только в том случае, если ее "этнографический материал" разнообразен, и она обладает политической независимостью. О. Шпенглер в "Закате Европы" называет восемь великих культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, аполлоновскую (греко-римскую), арабскую (магическую), мексиканскую, западную (фаустовскую) и указывает на возможность появления великой русской культуры [6]. По Шпенглеру, рождение культуры есть пробуждение великой души. Когда огонь души затихает, она вступает в свою последнюю стадию – стадию цивилизации. Ее характерные признаки – космополитизм и города-гиганты, научный атеизм или мертвая метафизика вместо истинной религии, масса вместо народа.

В "Постижении истории" А. Тойнби говорит о пяти живых цивилизациях, пяти обществах. Это западное, объединенное западным христианством; православно-христианское, или византийское, расположенное в Юго-Восточной Европе и в России; исламское – от Северной Африки и Среднего Востока до Великой китайской стены; индуистское – в субтропической субконтинентальной Индии; и дальневосточное – в субтропическом и умеренном районах Юго-Восточной Азии [7].

Исследование предыстории этих обществ привело Тойнби к выводу, что каждому из них предшествовали цивилизации второго и первого поколений. Он нанес на культурологическую карту Старого и Нового Света 37 цивилизаций, считая основными критериями их выделения религию, историю, язык, обычаи и культуру. С. Хантингтон заимствует у Тойнби критерии цивилизационной идентичности, однако находит в современном мире не пять, а восемь цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую [8, с. 35]. Появление трех "новых" цивилизаций – японской, африканской и латиноамериканской – он объясняет тем, что в международной повестке дня на первое место постепенно выходят такие проблемы, как распространение вооружений, права человека и иммиграция. Границы между цивилизациями, полагает Хантингтон, почти полностью соответствуют пределу, до которого идут страны в защите прав человека. Запад и Япония весьма оберегают эти права, Латинская Америка, часть Африки, Россия, Индия защищают лишь некоторые из них, Китай, многие азиатские страны и большинство мусульманских обществ оберегают права человека в меньшей мере [9].

Таким образом, в качестве критерия выделения цивилизаций Хантингтон предлагает принципиальное решение крупных международных проблем. На наш взгляд, ставить вопрос о цивилизационной идентичности в зависимости от данного фактора некорректно. Проблемы приходят и уходят, а цивилизации остаются. Классификация Тойнби представляется более логичной и убедительной.

Несмотря на разные подходы к классификации цивилизаций, все исследователи признают наличие у великих культур ряда общих черт. Одна из главных характерных особенностей цивилизации – имманентное самоопределение своей жизненной судьбы. Она сохраняет индивидуальность, самость, целостность, несмотря ни на изменение входящих в нее частей, ни на давление внешних обстоятельств.

Наиболее спорным является вопрос о коммуникабельности, о том, могут ли элементы культуры

одной системы проникать в другие. Для Н. Данилевского, О. Шпенглера и Ф. Конечного целостность, уникальность и самобытность цивилизаций служили вескими аргументами при обосновании их замкнутости. Так, по мнению Шпенглера, каждой великой культуре присущ "тайный язык мироощущения", вполне понятный только тому, чья душа принадлежит этой культуре. Переводя на родной язык знаковые символы других народов, мы делаем лишь вялую попытку проникнуть в мир чувствований другой цивилизации, наиболее утонченные и глубинные среды которой остаются немymi. Самый хороший психолог Запада заблуждается, сляясь понять араба или японца, и наоборот.

Неповторимость цивилизации ставит естественные барьеры на пути диалога культур, которые Шпенглер считал непреодолимыми. Выдающихся мыслителей разных культур он сравнивал с дальтониками, не знающими о своем недостатке и подтрунивающими над ошибками друг друга. Аналогичные высказывания можно найти в работах Данилевского и Конечного.

Однако целостность и уникальность системы вовсе не свидетельствуют о ее замкнутости и некоммуникабельности. Например, любой язык – это целостная, уникальная знаковая система, которая открыта (адаптирует элементы других языков) и коммуникабельна (способна переводить "чужие" тексты). Вместе с тем проблема полноты и адекватности перевода все-таки существует: передать "чужой" текст без смысловых и художественных потерь невозможно. Иными словами, целостные и уникальные системы вполне могут быть открытыми и коммуникабельными в диалоге, и в то же время всегда остается проблема естественных барьеров восприятия и адаптации. И, наверное, лучший аргумент против доводов Шпенглера – книга "Закат Европы", где он глубоко и тонко проанализировал особенности "аполлонической души" античной культуры, "магической души" арабской культуры, "фаустовской души" западной культуры.

Достаточное распространение получила и прямо противоположная точка зрения на проблему коммуникабельности цивилизаций. Н. Мосс, например, полагает, что феномены цивилизации являются "по существу межнациональными и вненациональными". Они могут быть едиными для многих более или менее схожих обществ и переходить из одного в другое [10]. Если это так, значит культурные барьеры не столь велики, и можно вести диалог, апеллируя к межцивилизационным универсалиям.

Современные исследователи выделяют универсалии индустриального, демократического и капиталистического развития и, соответственно, "единое индустриальное", "единое демократическое" и

“единое буржуазное” общества. Можно ли вести диалог культур, опираясь на эти межцивилизационные закономерности?

Все обозначенные тенденции имеют восходящую направленность. Но мы знаем о закате прежних цивилизаций, о возможностях срыва и гибели. Быстрые темпы индустриального развития во многом таят угрозу глобальных кризисов, особенно в сфере экологии. Ценность и значение сегодняшних межцивилизационных универсалий тем самым все чаще ставятся под сомнение. Все более актуальным оказывается вопрос о поисках альтернативных путей развития.

Единая история обретается в поле межцивилизационных взаимодействий. По справедливому замечанию М. Чешкова, “многообразие культурно-исторических миров не сводится к некоей западной, единой конструкции, но осмысливается как взаимодействие, порождающее целостность, в свою очередь не сводимую ни к отдельным “мирам”, ни к их взаимосвязям” [11]. Таким образом, вопрос о межцивилизационных универсалиях пока не может быть решен однозначно. В нынешних условиях у людей нет гарантий всеобщего закономерного восходящего развития, и даже само понятие “прогресс” утратило свое некогда универсальное значение.

Мир современных цивилизаций – это театр, не имеющий режиссера, где все актеры претендуют на главные роли и предлагают свои правила игры. Человечество знает разные стратегии межцивилизационных взаимодействий. Постараемся оценить их в исторической перспективе.

Всего несколько столетий назад каждая из существующих на Земле великих культур была убеждена, что кроме нее весь остальной мир – это варвары, неверные или неприкасаемые. Слабые попытки диалога цивилизаций напоминали в то время разговоры глухого со слепым. Тойнби приводит отрывок из ответного письма китайского императора Цзяньлуна, который правил в 1735–1795 гг., на послание короля Великобритании Георга III, предложившего установить между монархами дипломатические и торговые отношения: “Что же до твоей просьбы о том, чтобы аккредитовать одного из твоих подданных при моем Небесном Дворе и доверить ему контроль над торговлей с Китаем, то она противоречит всем традициям моей династии и не может никак быть исполнена... Церемонии и законы наши настолько отличаются от ваших, что если даже твой посланник и усвоит что-либо из них, то и тогда ты не сможешь привить их на твоей чужой для нас почве... Управляя всем миром, я преследую одну цель, а именно: сохранить благое правление и исполнить предназначение Государства... Чужие и дорогостоящие цели меня не интересуют. Я не придаю значе-

ния вещам экзотическим или примитивным, и в товарах твоей страны мы не нуждаемся” [2, с. 57].

Стратегия изоляции казалась китайцам (и многим другим обществам того времени) наиболее надежным способом сохранить собственную цивилизацию. Чужие традиции, обычаи и законы представлялись настолько варварскими, что вопрос о диалоге культур был неуместным.

Обратить варваров в свою веру можно только силой. Отсюда еще одна древняя стратегия – завоевание. Западная цивилизация предприняла две неудачные попытки экспансии, прежде чем ей удалось распространить свои культурные ценности по всей планете. Первая закончилась полным провалом во время средневековых крестовых походов, когда Запад стремился установить экономическое и политическое господство над остальным миром. Многие историки отмечают, что в результате культурного взаимообмена западноевропейцы больше восприняли у византийцев и мусульман, нежели сами повлияли на них. Вторую попытку, благодаря которой появились современные латиноамериканские сообщества, осуществили в XVI в. португальцы и испанцы. Однако в других местах ценности западной культуры были отвергнуты после примерно столетнего испытания. Во второй четверти XVII в. испанцев и португальцев изгнали из Японии, португальцев – из Абиссинии.

И только третья попытка, которую предприняли в XVII в. французы, англичане и голландцы, завершилась успехом. Была заселена Северная Америка, Южная Африка и Австралия, где возникли молодые нации, начавшие свою жизнь с багажом европейского культурного наследия. Именно они вывели весь остальной мир на западную орбиту. В политическом плане европейцы не только колонизировали Новый Свет, но и захватили Центральную Африку и Индию.

Почему первые попытки провалились, а третья оказалась столь успешной? Тойнби рассматривает две модели воздействия агрессивной культуры. Столкнувшись с вызовом более сильной и энергичной цивилизации, общество преисполняется решимости отчаянно сопротивляться агрессору. Культурный луч цивилизации вдруг упирается в незнакомое социальное тело и отражается от него. Но если этот луч расщепляется на составные части, его отдельные компоненты обладают большей проникающей способностью. Свободный луч культурного излучения, как свободный электрон, может стать смертоносным в инородной социальной среде [2, с. 182–183]. Вспомним библейские сказания: пока Ковчег завета Господня находился в Израиле среди избранного народа Иеговы, он служил их талисманом. Но когда Ковчег захватили филистимляне, рука Господа обрушилась на каждый город, где он хранился, а

избранный народ и сам был поражен чумой, которой были наказаны иноверцы за их святотатство.

В первых двух случаях Запад пытался навязать другим народам свою культуру во всей ее полноте и целостности, включая религию, и именно поэтому потерпел неудачу. В третий раз тем же народам был предложен "секуляризованный" вариант культурных ценностей, и такая стратегия возымела успех.

В свое время иезуиты предпринимали героические усилия, чтобы обратить китайцев и индусов в католичество, но эти усилия наталкивались на упорное сопротивление туземного населения. Тогда миссионеры поняли, что не стоит "дрознить гусей" и выступать под флагом религиозных идей, гораздо удобнее сделать акцент на передовых западных технологиях. Изменение стратегии имело колоссальные последствия. Культурное наследие было расщеплено: осталась лишенная религиозного ядра привлекательная техническая оболочка. Вскоре этот "утилитарный" образец с невиданной быстротой распространился по всему миру.

Внешне плоды западной цивилизации – высокий уровень потребления, развитая индустрия досуга и развлечений, бытовой комфорт впитываются другими системами мгновенно, как наркотик. Однако в любой цивилизации излишества и соблазны уравниваются ее достоинствами. Прихотливая внутренняя игра западной культуры состоит в тонком балансировании между аскезой труда и гедонизмом потребления. Свобода каприза и чувственных наслаждений – это тот яд, который "вырабатывает" западное общество и от которого само оно не погибает. Мощным противоядием служит протестантская этика: привычка к дисциплинированному труду, профессиональная ответственность, уважение закона.

Русский религиозный философ В. Зеньковский еще в начале XX в. пророчески писал об опасности глубокого духовного надлома, который следует в ответ на западное культурное влияние: "Секуляризация культуры, возникновение ряда самостоятельных и независимых сфер творчества приводит к разрыву целостности в личности; крайнее развитие технической цивилизации, небывалый расцвет механической стороны, внутреннее противоречие капитализма и грозный рост социальной борьбы, развитие маммонизма, ослабление духовной жизни и прямой рост плюрализма – а вместе с тем высокое развитие индивидуализма, рост запросов личности и неизбежное усиление ее одиночества..." [12].

Мы рассмотрели две стратегии вызова сильной цивилизации, с которым она обращается к другим народам. В первом – представители агрессивной культуры, успешно проникшей в чужую социальную систему, уподобляются надменному

фарисею, благодарившему Бога за то, что он не такой, как другие. Самовозвышение, бессознательно выливаясь в уничтожение других, вызывает яростный протест.

Во втором случае сильная цивилизация разрабатывает более тонкую тактику. От культурного наследия отщепляется некий клин и внедряется в инородное социальное тело. Безобидные, казалось бы, элементы чужой культуры в новой социальной среде начинают вести себя агрессивно, завоевывая один пласт структуры за другим. Такая стратегия воспринимается как более успешная. Но только на первый взгляд.

Парадокс в том, что успех второй стратегии одновременно ведет к поражению более сильной культуры в исторической перспективе. Тойнби первым обратил внимание на убедительные аргументы в пользу этой гипотезы в истории греко-римской цивилизации. Античная Греция создала столь высокую цивилизацию и дала выход столь мощной и эффективно направленной энергии, что сумела утвердить свое политическое, экономическое и культурное господство над окружающими варварами.

Избранный народ учил варваров следовать его образу жизни, и те были вначале пассивными учениками и неловкими имитаторами своих учителей. Но постепенно новообращенные варвары смогли подняться на более высокий материальный уровень и самостоятельно решить сложную задачу политического объединения, которую так и не одолели их наставники. В результате греческие полисы оказались карликами по сравнению с мощными державами – Египетской, Сирийской и Македонской монархиями, Римской конфедерацией. Греция стала университетом, местом паломничества и... полем боя между этими государствами.

Варварам удалось успешно решить задачу политического объединения не потому, что они обладали особой политической мудростью или национальными традициями – у них не было ни того, ни другого. Их преимущество заключалось в географическом положении: политическое строительство гораздо легче идет в новой стране на окраинах цивилизации, чем в ее центре, где давит груз прежних устоявшихся традиций и институтов. Новые греческие полисы, основанные Александром Македонским и его последователями на азиатской земле, не имели традиции независимости Спарты и Афин, которая препятствовала бы объединению с другими полисами в крупную политическую организацию. Хорошо известно: во времена, когда спасение зависит от нововведений, парвеню найдет выход скорее, нежели аристократ.

В определенном смысле Западная Европа – колыбель западной цивилизации – переживает

сегодня похожую ситуацию. До начала XX в. европейцы с удовлетворением наблюдали, как остальные нации одна за другой отбрасывали свое культурное наследие в пользу европейского. Это была первая волна вестернизации. Но затем мир узнал имена Ленина, Сталина, Мао Дзе-дуна, Пиночета и Пол Пота. Если пророки вестернизации первого поколения вдохновлялись идеями, которые приобщали их к социальному наследию Запада, то пророки "второй волны" стали осваивать новый набор идей, имевших аналогичное происхождение, но побудивших их рассматривать Запад в качестве "вавилонской блудницы".

Разрушительное влияние этих идей рикошетом ударило по Европе. В исторически короткий срок 15 стран сумели создать "мировую систему социализма". Это первый опыт крупного политического строительства на основе западной идеологии (коммунизм) и западной технологии (индустриализм) закончился неудачно: "мировая система социализма" распалась. Однако на наших глазах набирают силу страны Тихоокеанского региона, демонстрирующие небывало высокие темпы экономического развития. За этим процессом Запад наблюдает с тревогой – его явно затмевает заокеанский мир, который он сам же пробудил. Вестернизация уже изменила свой знак с плюса на минус в отношении западной цивилизации.

Итак, две стратегии вызова, которые до сих пор использовали сильные цивилизации в контактах с другими культурами, оказались несостоятельными. Оба тактических приема – и откровенная агрессия завоевателей, требующих от поработанных варваров полного принятия новой веры, и сложная тактика проникновения в чужую культуру путем "точечных" вкраплений через передовые технологии – в исторической перспективе обречены на поражение. Возникает вопрос: есть ли у цивилизаций историческая память, которая позволила бы им учиться на чужих ошибках? Пока история свидетельствует о противоположном. Когда несколько цивилизаций вступают между собой в контакт, они чаще всего обладают разными потенциальными возможностями. Человеческой природе свойственно пользоваться своим превосходством на индивидуальном и коллективном уровнях. Цивилизации, осознавшие свое превосходство над соседями, прибегают к силе, пока эта сила у них есть. Других примеров история еще не знает.

Рассмотрим теперь стратегии ответов разных культур на вызовы сильных цивилизаций. Тойнби видел в драматургии вызова-и-ответа те самые огниво и кремь, которые при взаимном соприкосновении высекают творческую искру. Он был убежден, что цивилизации развиваются, успешно отвечая на вызов, и распадаются, когда им не удается ответить. Каждая цивилизация – своеобразная

попытка единого, общечеловеческого творчества, в каждой из них человечество пытается подняться над собственной природой к более высокому уровню духовной жизни.

Свою методологию Тойнби позаимствовал из "Фауста" Гёте. Напомним, что гётевский "Пролог в Небесах" открывается гимном архангелов, воспевающих совершенство творений Господа. Но именно в силу того, что его творения совершенны, Творец не оставил пространства для новых проявлений творческих возможностей; и не было бы выхода из этого тупика, не появившись перед Престолом Мефистофель. Он бросает вызов Богу, требуя дать ему свободу испортить, если сможет, одно из самых совершенных созданий Творца. Бог принимает вызов, тем самым открывая для себя новую возможность совершенствовать свой созидательный труд.

В диалоге культур сильным цивилизациям принадлежит роль Мефистофеля: они бросают вызов остальному миру. Ответы же зависят от творческих возможностей той или иной культуры.

Тойнби знал два классических ответа – "зелотизм" и "иродианство". Он считал их универсальными и рассматривал диалоги известных ему цивилизаций как различные модификации этих моделей. Однако история XX столетия показала, что универсальных стратегий не бывает. "Зелотизм" и "иродианство" можно было использовать в качестве универсальных моделей ответа на вызов агрессивной культуры только до Второй мировой войны. Позже, когда мир был поделен на зоны влияния, большинство народов лишились такой возможности. Обе стратегии восходят к историческому опыту Иудей, столкнувшейся с экспансией эллинизма. Остановимся на их анализе подробнее.

Общину зелотов вдохновляло убеждение, что если они ни на йоту не отступят от отеческого предания и сохранят его в нетронутой чистоте, им воздастся божественной благодатью и спасением от врага. Поведение зелотов иррационально и инстинктивно, это форма архаизма, возникшая под давлением извне. Примеры подобной тактики мы часто наблюдаем в животном мире: черепаха прячется в панцирь, страус зарывает голову в песок. Недаром иродиане называли политику зелотов "страусиной".

Ответ иродиан (сторонников царя Ирода I Великого) на вызов эллинизма был принципиально иным. Трезво признав непобедимость превосходящего по силе противника, они решили отказаться от своего традиционного ратного искусства и учиться воевать с врагом его же оружием, овладев его тактикой. С точки зрения зелотов такая политика была грязным и трусливым компромиссом. На самом деле она открывала возможности

для маневра и потому была несравненно более эффективной.

Вместе с тем история цивилизаций показала, что оба ответа обречены перед лицом вызова сильной цивилизации. Последовательный "зелотизм" не может избежать печальной участи самоуничтожения. Об этом свидетельствует судьба староверов в России, ваххабитов в Центральной Аравии, сенусситов в Ливии. Но и тактику иродиан нельзя считать по-настоящему успешной. Проведение ее в жизнь требует тонкого балансирования между заимствованием чужих форм и сохранением национальной культуры. Политики, целиком посвятившие себя распространению культуры агрессивной цивилизации, дойдя до определенных пределов, убеждались, что дальнейшее продвижение чревато утратой независимости общества, за которое они в ответе. В Турции во время революции 1918–1923 гг. такая тактика была доведена до логического конца, и результаты поразили современников жестокостью и глубиной разрушений.

Но даже тогда, когда "иродиане" идут на компромиссы, стремясь сохранить какие-то элементы традиционной культуры, религию или свидетельства исторической памяти о своих былых победах, они в конце концов терпят поражение. Дело в том, что принимаемая ими стратегия изначально носит нетворческий, подражательный характер, и потому в лучшем случае можно говорить об увеличении промышленного продукта копируемого общества, а не высвобождении творческой энергии людей. Лишь незначительное меньшинство, элита, поднимается на более высокую ступень благосостояния, большинство же пополняет ряды пролетарского гетто. Такова судьба многих стран Латинской Америки, Азии, Африки, других регионов мира, подвергавшихся массивной вестернизации. Таково, к сожалению, и нынешнее положение в России.

Между тем история диалога культур в XX в. знает и другие ответы на вызов агрессивной культуры. Примечательна в этом отношении судьба Японии. До Второй мировой войны она демонстрировала миру безуспешность зелено-иродианской стратегии. Японцы были яркими представителями чистого "зелотизма" с начала XVII по конец XIX в. Напомним, что правительство Токугавы решило порвать отношения с Западом, но, отказавшись от использования западного оружия, не рискнуло распространить запрет на предметы быта. Результаты опрометчивой непоследовательности вскоре дали о себе знать. Династия Токугавы утратила политическую власть, продемонстрировав в 1853 г. военную несостоятельность режима. Японская революция, свергнувшая династию – свидетельство победы иродианства. Общество осознало, что 215-летний период изоляции задержал развитие страны и оставил ее

беззащитной перед лицом растущей силы Запада. Японцы сознательно сделали крутой поворот и повели свой корабль дальше под парусом иродианства. Но вскоре они убедились в недостаточной эффективности и этой стратегии.

Поражение во Второй мировой войне заставило Японию активно искать новую тактику ответа на вызов Запада. Японцы освоили прием "мимикрии", и неожиданно он привел к успеху.

В первые послевоенные годы Запад жестко контролировал военно-политическую сферу Японии. Ей пришлось продемонстрировать отказ от всех традиционных форм политической жизни, ввести режим парламентской демократии (в рамках конституционной монархии), принять новую Конституцию, провозгласившую принципы либеральной демократии. В условиях полной невозможности военно-политического реванша, энергетика японской культуры устремилась в новое русло – в экономику. Тем самым проявилась общая закономерность силовых взаимодействий: при жестком контроле центральных позиций энергетика перетекает в периферийные зоны, где и образует новые силовые укрепления. Мощная самурайская энергетика японского народа нашла сублимированную форму выражения в экономическом творчестве. Именно в этой сфере были сохранены и развиты национальные традиции. Не случайно трудовая этика на японском предприятии напоминает самурайскую: здесь царит атмосфера авторитарной иерархии, жертвенности, преданности фирме.

В новой экономической модели японцам удалось творчески использовать действительно могучую силу – семейную или клановую солидарность. Очевидно, что сообща, вместе с кланом создать можно значительно больше, чем работая индивидуально. В свою очередь, семейная солидарность рождает патриотизм, любовь к Родине, желание трудиться ради нее. Запад, где высоко ценится индивидуализм и каждый сражается в одиночку, проиграл Японии экономическое соревнование по всем важнейшим показателям. Можно ли считать, что стратегия "мимикрии", которую использовала Страна восходящего солнца, является сегодня эффективным ответом на вызов культурной агрессии?

Следует учитывать, что, возникнув в условиях, когда господство агрессивной культуры все еще носило формально-институциональный характер, эта стратегия была рассчитана на отражение институционального контроля. В рамках соответствующей модели предполагается существование некоторых зон особого давления: политика, военно-промышленный комплекс, где необходимо продемонстрировать полную лояльность. Но одновременно есть возможность сохранить и преумножить национальную культурную энергетiku в других

неконтролируемых сферах – в экономике, искусстве, науке, литературе.

Объективные условия для использования рассматриваемой стратегии существовали примерно до 70-х годов XX в. – до тех пор, пока научно-технологическая революция властной рукой мощных технологий не очертила новые рамки диалога цивилизаций. Прогресс науки и техники постепенно создал новые мощные коммуникации, эффективные средства массовой информации, спутниковую связь, жесткие средства электронного контроля. В этих условиях облучение сильной культуры становится всепроникающим, что нашло отражение в термине “информационный империализм”.

Особое значение имеет переход от полиграфических средств межкультурных коммуникаций к аудиовизуальным. Психологи утверждают, что визуальная перцепция более эффективно и глубоко воздействует на психику человека благодаря расширению поля восприятия. Зрительный образ легче воспринимается, глубже воздействует на сознание и лучше запоминается, чем устные и письменные знаки. После того, как аудио-видео техника стала бытовой, жесткому прямому облучению начало подвергаться само моральное ядро культуры. Средства массовой информации дают определенные культурные установки, распространяют эталоны поведения, формируют шкалу престижа, утверждают ценности и развивают потребности.

В ситуации неэквивалентного информационного обмена “чужая” информация агрессивной культуры потребляется огромными дозами. Эксперты ЮНЕСКО в области организации нового информационного порядка подсчитали, что на долю только США приходится сегодня более 65% потока информации, циркулирующей в каналах коммуникаций всего мира. В результате стратегия господства сильных цивилизаций принципиально изменилась – стала внеинституциональной, непосредственно личностной, обращенной к каждому человеку индивидуально. Она изначально блокирует все три возможных прежде ответа на вызов: “зелотизм”, “ироддианство” и “мимикрию”.

Стратегия изоляции превращается в дорогостоящее и бессмысленное мероприятие: нельзя возвести Китайскую стену в информационном обществе. Вспомним, каким “дырявым” был “железный занавес” бывших социалистических стран в 70–80-е годы. Сегодня только Северная Корея и Мьянма (Бирма) держат курс на полную изоляцию, но за такую политику приходится платить слишком высокую цену. В условиях “информационного империализма” тактика “ироддианства” также утратила значение. Потенциальный “ироддианец” уже не имеет права выбора, он не может по своему усмотрению что-то заимствовать у сильной культуры, а что-то оставлять свое,

традиционное, национальное. Через многочисленные каналы коммуникаций “чужая” информация вторгается во все сферы общественной жизни. В результате происходит отторжение от собственной культуры, ее норм и традиций, потеря цивилизационной идентичности. Разве к этому стремился “ироддианец”? Он хотел овладеть секретами врага, чтобы использовать их для своего культурного рванша в будущем. Сегодня путь частичных заимствований объективно невозможен.

Стратегия “мимикрии”, едва успев стать реальностью, за несколько десятилетий после Второй мировой войны также утратила эффективность. В информационном обществе контроль над частью позиций чужой культуры позволяет осуществлять тотальный контроль. Облучая ядро чужой культуры, “информационный империализм” блокирует возможность ее самостоятельного творческого развития в какой бы то ни было области человеческой деятельности.

В конце XX столетия нужны новые ответы на вызов сильных цивилизаций. Некоторые варианты таких стратегий уже просматриваются. Мы упоминали о феномене девестернизации. В определенном смысле это инверсия стратегии “зелотизма” в новых условиях, моральный “железный занавес”. Информационный империализм, пытающийся навязать другим народам западную культуру в полном объеме, вызывает мощную реакцию отторжения. Симптоматично, что падение шахского режима в Иране современники назвали “антипорнографической революцией”. Подобные моральные революции происходят сегодня во многих странах.

Наряду с укреплением национальных духовных ценностей, большое внимание уделяется модернизации с тем, чтобы, развивая экономическую и военную мощь, создать противовес Западу. По этому пути пытаются идти Южная Корея, Китай, Сингапур, Тайвань, некоторые исламские государства на Ближнем Востоке. Уже можно говорить о том, что сложился конфуцианско-исламский блок, цель которого – содействовать своим членам в приобретении новейшей техники и оружия, необходимых для того, чтобы противостоять военной мощи Запада.

Трудно прогнозировать, насколько долговечным окажется конфуцианско-исламский блок. Но сейчас он вызывает серьезную тревогу у западных аналитиков. Хантингтон полагает, что одной из главных стратегических задач Запада является “ограничение роста военной мощи конфуцианских и исламских стран”, а также использование конфликтов и разногласий между этими странами [8, с. 47].

К сожалению, Россия в поисках своей стратегии ответа на вызов Запада все еще надеется обрести успех в рамках “классических” ответов прошлого.

“Западники” уповают на вестернизацию (в духе “ироднанства”), национал-фундаменталисты – на стратегию изоляции (в духе “зелотизма”). Удивительно, но даже сейчас, когда вестернизация привела к кризису российского общества, все еще продолжают говорить о том, что именно этот путь принесет нам процветание.

Буквально за десять лет, когда каналы российских коммуникаций оказались открытыми для западной культуры, страна пришла к духовному опустошению. В информационном обществе информация становится всепроникающей. Западная культура – это не только конституционализм и права человека, это еще и свобода порнографии, эмансипация однополых любви, деконструктивизм – все то, что ведет к разрушению духовной иерархии и превращению святынь в “ценности”, лежащие на одном уровне.

Нынешний социально-экономический кризис, падение производства, люмпенизация населения – феномен не столько политический и экономический, сколько культурный. Проблема состоит не в унаследованной от прошлого “отсталости” России, о чем неустанно твердят наши “западники”. Они удивительно быстро забыли, что в области военно-промышленных технологий последние полвека Россия в чем-то даже превосходила развитые страны. То же можно сказать и о российской академической науке. Причина сегодняшнего кризиса – в отторжении от национальной культуры, ее норм и традиций. Мощное информационное облучение Запада привело к цивилизационной дезориентации народа, ослабило национальную культурную энергетику. Выход из ситуации один –

поиски новых путей национального духовного возрождения, обретение своей цивилизационной идентичности. В новых исторических условиях нельзя использовать старые архаичные ответы на вызов чужой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Febre L., Tonnelat E. Civilisations: Le mot et L'idee. Paris, 1930.
2. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс. Культура. 1995.
3. Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 291.
4. New York Times. 1990. 25 Dec. P. 41.
5. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому // Заря. 1869. № 5–9. С. 73–74.
6. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Прогресс, 1991. С. 489.
7. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. № 1. С. 33.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 35.
9. Huntington S. If Not Civilisations, What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. V. 72. № 5. P. 186–188.
10. Цит. по: Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН, 1992. С. 101.
11. Чешков М.А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М.: Наука, 1995. С. 91.
12. Зеньковский В. Русские мыслители и Европа // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Т. 2. М.: Наука, 1994. С. 202.